

Моск. кассомолеес. - 1991 - 29 авг.

Игорь КВАША:

«САМАЯ БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ ЭТИХ ДНЕЙ»

ХОТЯ «Современник» пребывал на летних ка-
никулах, 19-го утром все со-
брались в театре, чтобы вме-
сте высказать свое неприя-
тие приказов и постановле-
ний преступников.

Главный режиссер Галина ВОЛЧЕК 20-го утром должна была уехать на Кипр. Но в знак протеста она сдала би-
лет, ходила к Белому дому. И только 22-го, когда стало ясно, что путч провалился, Галина Борисовна позволила себе уехать.

— Больше года назад мы распустили свою парторгани-
зацию, — рассказывает за-
лит театра Валерий Старо-
дубцев, — все партийцы пре-
кратили свое членство. И в
оценке происшедшего были
единодушны — это государ-
ственный переворот. Потом
с Игорем Квашой мы пошли
на Манежную площадь. Я
восхищался своим товари-
щем: он завел дискуссию с
солдатами, понимая слож-
ность их положения, Игорь
старался разубедить обману-
тых мальчишек...

В четвертом часу у Елисе-
евского магазина мы увидели
мужика — он собрал вокруг
себя толпу любопытных и го-
ворил, что сам видел по те-
левизору, как Горбачев от-
рекся от власти, и призвал
поддержать ГКЧП. Игорь вре-
зался в толпу с криком:

— Не верьте ему — это
габист, это провокатор.

Началась просто потасовка.
Игоря пришлось оттаски-
вать...

20-го в двенадцать часов
мы пошли на митинг к Бело-
му дому. Вместе с нами бы-

ла актриса театра Анатолия
Васильева Мила Полякова,
рабочие сцены.

Вечером Игорь предложил
пойти к Белому дому охра-
нять его.

— Ну что может случить-
ся? — уговаривал он. — Ну в
крайнем случае убьют...

20-го ночью и 21-го ар-
тист Игорь Кваша при-
соединился к отряду опол-
ченцев. Когда я попроси-
ла Игоря Владимировича рас-
сказать об этих трудных
днях, он испытал неловкость:

— О, Господи, как же об
этом говорить? Мы охраняли
один подъезд вместе с каза-
ками, «афганцами», десантни-
ками, составили отряд но-
мер 16. Все время шел
дождь. Было холодно. Нам
раздали голубые мешки —
надели их на себя и стали
ждать нападения. Чем мы
могли оказать сопротивление?
Мы, безоружные, могли
продержаться против них
секунды две-три. Но и эти
секунды важны...

— Вы были когда-нибудь
солдатом?

— Никогда не служил и в
военных делах ничего не по-
нимаю. Рядом со мной был
человек, воевавший в Анго-
ле.

— Вас узнавали?

— Конечно, но о театре
никто не говорил — не до
театра было. Но слышал от
людей: «Как хорошо, что вы
с нами». Ждали группу за-
хвата. Говорили, что они в
гражданском попытаются
просочиться в здание и дей-
ствовать террористическими
методами.

— Вы осознавали, что могло
все кончиться трагически?

— Такое ощущение было.
У профессионалов оно про-
являлось сильнее. Но никто
из отряда не ушел.

— Мне говорили, что вы
пошли на баррикады вместе
с женой?

— Да. Таня врач. Вместе с
нами пошла и Люда Макси-
мова. Потом женщин попроси-
ли уйти — опасно. Приез-
жал к Белому дому сын —
искал меня, но так и не
встретил. И вернулся на да-
чу, где в тревоге ждала его
беременная, накануне родов,
жена.

— Игорь Владимирович,
что вас больше всего порази-
ло в эти тревожные дни и
ночи?

— Людское единение.
Массовость протеста. Люди,
несмотря на запреты хунты,
шли к дому российского пра-
вительства, несли еду. Сова-
ли ее нам. Не взять было
нельзя — естественное жела-
ние людей хоть чем-то по-
мочь, мы не могли оскор-
бить их отказом. Очень мно-
го было сигарет, яблок,
всего.

22-го один из нас пошу-
тил: «Черт возьми, так много
вкусной еды, что и уходить
не хочется».

Знаете, чего я боюсь сей-
час? На страницы газет, на
экраны попадаем мы — лю-
ди известные. Это вроде бы
естественно, что к нам обра-
щаются. Не сложится ли впе-
чатление, что это мы бы-
ли героями. А героями были
безымянные люди. Пришли
потрясающие, замечательные
ребята. В основном моло-
дые, были и постарше, но
приходили и семнадцатилет-
ние. Просто вставали рядом.
Никто никогда не узнает о
их поступке. Наш командир
Костя, замечательный па-
рень, профессионал, сказал,
увидев списки ополченцев:
«Сжечь! Немедленно. Если
кто останется в живых, чтоб
не попали в руки КГБ».

Мы, у Белого дома стояв-
шие, считались смертниками.
А погибли ребята на Садо-
вом кольце. По всей Москве
стояли люди. И они тоже
могли погибнуть.

Сейчас нас захватила ра-
дость победы. Но скоро при-
дет отрезвление. Как и что
будет у нас? Надо восполь-
зоваться этим моментом,
провести решения разумные
и неспешные. И надо то-
ропиться, пока партийные
структуры деморализованы и
растеряны.

— Изменилось ли ваше
восприятие молодых москви-
чей?

— Хочу прежде сказать,
что очень люблю вашу газе-
ту, выписываю ее и по ее
публикациям воспринимаю
молодежь. Для меня эти со-
бытия стали счастливым по-
знанием молодежи. При ее
политической инертности
вдруг такое самоотвер-
жение! Вдохновение и по-
рыв к свободе. Вот это для
меня — самая большая ра-
дость этих дней.

Наталья ДАРДЫКИНА.